

ФИТИНГОФ А. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ФИТИНГОФ Павел Георгиевич, родился в 1876 в Витебске. Барон. Окончил юридический и физико-математический факультеты Петербургского университета (в студенческие годы задерживался полицией, так как помогал А. В. Луначарскому, своему дяде, хранить литературу и скрываться). С 1909 — помощник столоначальника, с 1912 — столоначальник кассового отделения в Горном департаменте Петербурга в чине коллежского секретаря, с 1918 — секретарь коллегии по горному отделу ВСНХ в Москве, с 1919 — научный сотрудник Геологического комитета в Петрограде. Женится на Александре Владимировне Фитингоф. В марте 1935 — выслан с женой в поселок Семиозерное Актюбинской области. Просил ходатайства ПКК о переводе в другое место, так как они живут в землянке, а жена тяжело больна. 26 октября 1935 — скончался от язвы желудка¹.

ФИТИНГОФ (урожд. Гарнышева) Александра Владимировна (из мещан). Вышла замуж за барона Павла Георгиевича Фитингофа. С 1918 — работала в советских учреждениях. В марте 1935 — выслана с мужем в поселок Семиозерное Актюбинской области, с октября 1935 — вдова. В августе 1936 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<13 августа 1936>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна

Мне был один год, когда мой отец умер. Моя мама, оставшись вдовой, была домашней портнихой гор<ода> Ленинграда. Я служила бонной. Познакомилась со своим мужем в семье Михаила Васильевича Луначарского, дяди моего мужа и родного брата Анатолия Васильевича Луначарского. Моя мать работала в семье Луначарских, а я приходила ее проведать, где и встретила П. Фитингоф. Анатолий Васильевич, бывший комиссар Народного просвещения, умер, брат его, Михаил Васильевич Луначарский, тоже умер и передан был в крематорий в Москве. В Москве жил еще брат Луначарских, по профессии юрист. Я с ним не знакома, но знаю, что, если бы ему передали мое дело, он бы мне помог в память моего мужа, которого он хорошо знал. Я погибаю, не будучи преступницей, ни уголовной, ни политической. Я всегда знала, что никакая власть кормить человека не будет. Каждый человек должен заработать себе пропитание. У меня перегибом отняли мое здоровье. Я прошу, чтобы государство, принимая мое беспомощное болезненное состояние и девятнадцатилетнюю службу, Советская власть дала мне возможность за казенный счет спешно, не теряя времени сезона, отправить меня в Серноводск или временно отправить в Ленинград на коечное клиническое лечение, где я пользовалась у профессоров лечением. Я вовсе не стремлюсь жить в Ленинграде. По излечении я опять приеду в Семиозерное, где моего мужа могила, бессмысленно добитого произволом, перегибом. Я буду работать. Я работы не боюсь и умею все делать: шить, стирать, мыть полы, служить. Мой муж умел все делать. Был столяр-краснодеревщик, монтер, слесарь, повар, музыкант, настройщик роялей, механик. Хороший общественный работник. Он погиб в угоду вора-пьяницы, бывшего нашего управдома в г<ороде> Ленинграде, жившего в нашей квартире вместе с нами и в пьяном виде кричавшего все года: "Почему барона не повесили, и еще здесь живет". Мы ему мешали растаскивать казенное имущество, хотя он и снял двери в передней, в людской уборной трубы, цинковые баки и пропил.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1: Д. 1353. С. 102-105; Д. 1381. С. 194, 196-198.

Он, бывший управдом Арсеньев, дал в НКВД неправильные сведения о моем муже. Сам все равно после нашего выезда был сразу же смещен и окончательно спился. Вещи наши, оставленные ему на хранение, тоже пропил.

Многоуважаемая, Екатерина Павловна, не оставьте меня, помогите мне в моем отчаянном положении. Я стала невменяемая, сумасшедшая. Меня преследуют ужасные мысли сделать уголовное преступление, бросить спичку и поджечь и, если даже не удастся сжечь себя, то есть планы быть расстрелянной или в тюрьме, где тепло, режим, правильный образ жизни. Хлеб, вода, хороший обед. Работа и, когда болен, медицинская помощь. Я не имею даже по несколько дней кипяченой воды. Некому чужим за мной ухаживать. Помогите мне на временное коечное клиническое лечение Ленинграда, где есть у меня родственники, знакомые, и я буду не одна. В Ленинграде есть родной мужу племянник, художник Георгий Петрович Фитингоф, отец которого выслан в гор<од> Орск и, наверное, тоже умер, т<ак> к<ак> не получаю известий. Дайте право быть здоровой.

Уважающая Вас Фитингоф.

13/VIII - 36 г<ода>»².

В октябре 1936 — Александра Владимировна Фитингоф вновь просила помощи Е. П. Пешковой.

<16 октября 1936>

«Г<ород> Москва, Кузнецкий мост, № 24

Екатерине Павловне Пешковой

Заявление по делу № 6863

Находясь в Кустанае в Ленинской обл<асти> и не имея надлежащего необходимого клинического лечения, назначенного мне ВКК и врачом Ленинской больницы, я до сих пор не отправлена на лечение в клинической обстановке. Здоровье мое ухудшается. Оторванная далеким расстоянием от своих родных и не имея помощи в необходимой для меня пищи: молока, масла, яиц и булки, — я от голода и недоедания получила малокровие и упадок сил. Принимая йодистые лекарства, я не имею даже ежедневно молока, чтобы запить. Просила помощи от Кустанайского НКВД и, пролежав около месяца в полном недоедании, не получила от НКВД ответа на заявление помочь мне и подкрепить мои силы. Я не знаю, за что меня лишили необходимого лечения и еще морят голодом, от которого я уже нажила здесь от голода и недоедания сердечную болезнь.

У всех здесь больных есть родственники, их подкармливают, а я одинокая, больная и голодная должна смотреть, как едят другие и, конечно, при таких условиях питания и отсутствия необходимой клинической обстановки, я никогда не поправлюсь. Зачем меня мучают. Зачем меня обрекают и обрекли на голодную мучительную смерть. И лишили права лечения. За что меня выслали, надорвали мое здоровье и нервы. И сделали своим перегибом меня нетрудоспособной и запрещают лечиться. Лучше бы застрелили меня, чем так издеваться и мучить меня, больную, беспомощную, одинокую вдову после смерти моего мужа, прослужившего Советской власти честно 19 лет и отдавшего все свое знание, труд и здоровье, будучи членом Инж<енерно->техн<ической> секции.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1472. С. 77-78. Автограф.

Помогите мне. Я устала. Я измучена и больше выносить такого несправедливого незаслуженного отношения не могу. Я даже не могла от НКВД получить справку, что я из себя представляю (вроде паспорта, т<ак> к<ак> ссыльная), которую могу представить даже на почту и в других необходимых случаях. Умоляю Вас освободить меня от несправедливости. Меня обижают, одинокую, больную, беспомощную вдову, пользуясь, что я здесь без родных и в чужом краю. Мною уже подано Вам заявление со справкой о моем здоровье и необходимом лечении врача г<орода> Кустаная Ленинской больницы и заявление на имя НКВД. Прошу и умоляю не дать мне погибнуть и выхлопотать мне Вашей помощью и содействием отправки в надлежащую клиническую обстановку.

А. Фитингоф

Г<ород> Кустанай, Ленинская больница,
Терапевтическое отделение,
Александре Владимировне Фитингоф.
16/X - 36 г<ода>»³.

Лишь в 1938 — Е. П. Пешковой удалось добиться перевода Александры Владимировны Фитингоф в Петропавловск⁴.

---

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1472. С. 81-82. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1: Д. 1574. С. 132-165; Д. 1689. С. 78-79, 83.